

Гордыня Гордона

Быть умным человеком на российском телевидении — почти подвиг

Известия. — 2001. — 10 февр. — с. 9

«Я не журналист — я Гордон», — любят повторять Александр Гордон в телевещании своего шоу «Хмурое утро» на канале МТ. К счастью, он действительно не журналист. К счастью, это «утро» совершенно не «хмурое». Это честное утро.

Семен НОВОПРУДСКИЙ

Понятно, что телезвездами становятся только яркие личности. После отшумевшей горбачевско-ельцинской гласности, после взлета и падения рекламного теле рынка оказалось, что российскому телевидению катастрофически не хватает элитарных «звезд». Людей, не опускающихся до посконно-домотканой народности. Не боящихся жестко говорить на жесткие темы, портить настроение собеседникам и публике, заставляя думать, наконец.

Кажется, раннее утро — не лучшее время для раздумий. Поэтому «добрые утра» на ведущих телеканалах размножаются простым почкованием — назовите вы их хоть «настроением», как на ТВЦ, или «днем за днем», как на ТВ-6. Рейтинг, понятно, святое. Но когда тебя регулярно держат за

идиота, когда ведущие утренних телепрограмм — полуграмотные, фальшиво-восторженные — неуклюжими безразличными беседами со случайными гостями пытаются чуть ли не электрошоком дать тебе «заряд бодрости на весь день», хочется утра похмуре, позже.

Гордон совершенно сознательно сделал формой и содержанием своей передачи лично себя, лично свои представления о важном и неважном в окружающем мире. Можно жестоко назвать это нарциссизмом, а его манеру честного общения с людьми — хамством. К тому же он еще курит в эфире и пьет пиво — «вот свинья». Между тем нет более точно выстроенного, содержательного, умного утреннего телеканала, чем «Хмурое утро».

Судите сами. Тема беседы задается изначально и выдерживается на протяжении всего эфира. При чем тема — не измышленная

творческой бригадой, а работающая лично неглупого мужчину Гордона. Собеседники подбираются под тему и под честный разговор — будь то Анпилов в разговоре о молодежном коммунистическом авангарде или палестинский журналист в разговоре о «нерушимой дружбе» арабов с евреями. Базовое интервью длится не две-три минуты, как в «Добром утре» на ОРТ, а добрых полчаса. Гордыня Гордона позволяет ему участвовать в разговоре на равных, не соглашаться с партнером по беседе, не превращать диалог в благодное и равнодушное выслушивание реплик гостя.

Есть еще одна принципиальная доблесть ведущего разговорного шоу — искренность эмоций. Когда Дмитрий Дибров в бытность ведущим «Доброго утра» на ОРТ плакал в эфире, узнав о смерти Булата Окуджавы, это было правильно. Правильно, что курящий Гордон курит в эфире. Что любящий хорошую поэзию Гордон ни с того, ни с сего читает в эфире хорошие стихи — тоже правильно.

Любое творчество в конце концов есть рассказ о себе, и задача каждого творца сделать этот рассказ максимально интересным публике. Слушать Гордона и приглашенных им гостей интересно. Про легализацию наркотиков, например, у нас серьезно не говорит никто, а проблема в России вырастает до национальной. Мы же вообще все серьезные проблемы привычки обсуждать без «полутонов», в категориях «разрешить-запретить». А Гордон в «Хмуром утре» попытался объяснить публике, как именно можно разрешить наркотики, как именно контролировать их потребление.

Гордон в некотором смысле Дон Кихот и Дон Жуан, хотя вечно небрит, не рыцарь и не строит из себя героя-любownika. Он демонстрирует принципиально рыцарскую позицию по отношению к публике — говорит ей то, что хочет сказать, а не то, что хотят услышать. Он никогда не станет торговой маркой. Никакие модесты карпычи и люськи никогда не будут рекламиро-

ВИКТОР ГОРЯЧЕВ

вать кетчуп «Гордон» или рассол «Хмурое утро», как рекламируют кетчуп «Моя семья» главного гордоновского антипода на российском телевидении — Валерия Комиссарова. Никто не скажет «А-бал-деть», глядя на гордоновское шоу.

Каждый человек — это шоу. Не каждое такое человеческое шоу можно показывать. Но нет ничего более занятого, чем наблюдать умного, живого, беззащитного человека, по понедельникам и пятницам непринужденно и мучительно рассказывающего о себе. Ну и о времени, конечно, если оно вообще существует.